

П. А. Барахвостов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

53

Объектом исследования является малоизученный процесс прохождения социальной системой точки бифуркации: зарождение и развитие кризиса – социальный коллапс, завершающийся распадом социума, – восстановление после распада путем интеграции части разрушившейся социальной структуры в другую систему. Примером подобного процесса является вхождение части Речи Посполитой (земель Великого княжества Литовского) в состав Российской империи. Данные события оказали определяющее влияние на последующий исторический путь Беларуси, что обуславливает актуальность их изучения. Для исследования использован институциональный подход, дополненный развитой в последние годы теорией институциональных матриц. Выявлено, что при образовании государства из элементов с принципиально различными институциональными матрицами оказывается возможной трансплантационная дисфункция институтов, запускающая его кризис, который в условиях дисфункциональности политической системы и раскола политических элит может привести к социальному коллапсу и (при наличии заинтересованных «полюсов силы») распаду социума. Интеграция его части в другую социальную систему – один из вариантов прохождения точки бифуркации. Выделены этапы этого процесса: встраивание новых земель в административно-территориальную структуру государства – реципиента, перестройка социальной стратификации на новых землях, их административная и правовая унификация, углубленная интеграция. Установлено, что при вхождении земель Великого княжества Литовского в Российскую империю не были ликвидированы некоторые базовые экономические и социокультурные институты, что свидетельствует о сохранении отдельных элементов институциональной матрицы распавшегося социума и при прохождении им точки бифуркации.

The research focuses on the poorly studied process of a social system passing through a bifurcation point: birth and progress of a crisis – social collapse resulting in the disintegration of the society – recuperation via integration of a part of the disintegrated social structure into a new one. A fine example of such a process is given by the admission of a part of Rzeczpospolita (Grand Duchy of Lithuania lands) into the Russian Empire. Those events had a major impact on the ensuing historical path of Belarus, which makes it more urgent to be studied. Herein, we employ the institutional approach supplemented with the recently developed theory of institutional matrices. It is revealed that when a state is formed out of elements with essentially different institutional matrices, there becomes possible a transplantational dysfunction of institu-

tions, which in turn can initiate a crisis, capable, in case of a malfunctioning political system and disunited elites, of triggering a social collapse and (if there are interested «poles of power») the total disintegration of the society. The subsequent entry of its part into another social system constitutes one of the options of passing through a bifurcation point. Three stages of this process are distinguished: incorporation of the new lands into the administrative-territorial structure of the recipient state, rebuilding of the social stratification in the new lands, administrative and legal unification, and deep integration. It is shown that upon the admission of Grand Duchy of Lithuania lands into the Russian Empire some basic economic and sociocultural institutions were retained, which bears witness to the preservation of singular elements of the institutional matrix of the disintegrated society even during its passage through a bifurcation point.

Ключевые слова: социальная система, институциональный подход, базовые институты, институциональная матрица, дистрибутивные отношения, рыночные отношения.

Keywords: social system, institutional approach, basic institutions, institutional matrix, distributive relations, market relations.

Введение

Распад СССР и последовавшие за ним драматичные политико-экономические и социальные процессы на постсоветском пространстве актуализировали проблему социального коллапса и восстановления социума после него. Зачастую это предполагает интеграцию разрушившейся социальной структуры или ее части в другую систему, что приводит к кардинальным преобразованиям всей общественной жизни. Для их описания может быть использован институциональный подход, в соответствии с которым общество представляет собой социальную систему, образованную тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми подсистемами: экономической, политической и социокультурной. Каждая из них выполняет определенную функцию: экономическая сфера обеспечивает получение ресурсов для жизнедеятельности социума, политическая осуществляет его организацию для достижения поставленных целей, социокультурная создает фундамент коммуникативного взаимодействия и обеспечивает сохранение общественных норм при смене поколений. Согласованное действие подсистем обеспечивается посредством сложной системы *институтов* — «устойчивых моделей взаимодействий в социуме, определенных способов действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума» [1, с. 20], в которой можно выделить базовые институты, формирующие «*институциональную матрицу*» [2]. В ней одновременно присутствуют (как *доминантные* и *компенсаторные*) два типа институтов — рыночные и дистрибутивные [3, р. хix]. Зародившись в глубокой древности, указанные типы институтов прошли долгий путь эволюции, в результате которой осуществлялось изменение их форм в соответствии с технологическими укладами и условиями окружающего мира [4].

К экономическим институтам дистрибутивного типа относятся редистрибуция (аккумуляция — согласование — распределение) в качестве институтов обмена, общественно-служебная собственность, общественный/служебный труд и жалобы в виде обратной связи. Кроме того, как отмечает С. Г. Кирдина [2], можно выделить политические (государство унитарно-централизованного типа) и социокультурные (доминирование коллективных ценностей) дистрибутивные институты.

Институты рыночного типа: экономические отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд и прибыль как сигнальный институт «сбоев» в функционировании системы; политические — федеративные начала государственного устройства; социокультурные — примат прав и свобод личности [5].

Экономико-политическое состояние страны зависит от предшествующей институциональной эволюции и доминирующего в институциональной матрице типа институтов [6–9], что продемонстрировано на примере современных России [10–13] и Беларуси [14; 15].

Как правило, институциональная матрица социума достаточно устойчива [2]. Однако при определенных условиях может возникать «институциональная подвижность», для которой вся конструкция институтов становится зыбкой и неустойчивой, что может привести к гибели социума и последующему его восстановлению в результате интеграции с другим обществом. Суть осуществляемых при этом преобразований заключается во встраивании распавшейся социальной системы (или ее части) в институциональную матрицу социума-реципиента. Его изучению (на примере вхождения части Речи Посполитой — земель Великого княжества Литовского (ВКЛ) — в состав Российской империи) и посвящена настоящая работа. Исследование базируется на институциональном подходе, дополненном сравнительно-типологическим методом анализа.

Базовые институты Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой: возрастание «институциональной подвижности»

До Люблинской унии 1569 г. в институциональной матрице ВКЛ дистрибутивный тип являлся доминирующим. Институты редистрибуции функционировали в виде окончательно оформившегося при Витовте (1392–1430) централизованного государства и одаривания за службу должностями и землями из государственного фонда новой элиты (сформировавшей впоследствии магнатскую прослойку) и католического духовенства.

Рыночные институты, в свою очередь, проявили себя в товарно-денежных отношениях в городах и на селе, наличии Магдебургского права (первым право на городское самоуправление получил Вильно в 1397 г., в дальнейшем им пользовались 147 городов и местечек), зарождении субсидиарной, гуманистической идеологии, проповедующей ценность человеческой личности, но, самое главное, в толерантности к представителям различных народов и верований, даже юридически закрепленной в Третьем Статуте ВКЛ 1588 г.

Постоянная угроза как с Запада (со стороны Тевтонского и Ливонского ордена), так и с Востока (от Московского княжества) обусловили интеграцию с Польшей. Более плодородные земли королевства обеспечивали значительный прибавочный продукт, и отдельные хозяйствующие субъекты обладали большей автономией от центральной власти, функции которой сводились не к организации эффективного экономического взаимодействия, а к его поддержанию. Возможность людей относительно независимо от государства распоряжаться результатами своей хозяйственной деятельности предопределила то, что в Польше базовые институты рыночного типа играли более выраженную роль, чем в ВКЛ.

Создание в 1569 г. Речи Посполитой на основе федерации Польши и ослабленного внешними угрозами ВКЛ привело к трансплантации (термин введен В.М. Полтеровичем [16, с. 24]) ряда польских институтов в Великое княжество Литовское и стимулировало развитие институтов рыночного типа как в экономической, так и в других сферах, в первую очередь, в политической.

В ходе реформ Сигизмунда II Августа экономика ВКЛ была переустроена по польскому фольварочно-барщинному образцу. Панские хозяйства — фольварки — теперь выращивали зерно не для собственных нужд, а для продажи. Однако на полевых работах использовались не вольнонаемные рабочие, а крепостные, переведенные с характерного до этого оброка на барщину. Это тормозило преобразования на селе, поскольку крестьяне, не имевшие ни времени, ни возможности производить сельскохозяйственный продукт на своих наделах, оказались исключены из товарно-денежных отношений. Важными экономическими изменениями также являлись исчезновение чересполосицы и фактическая ликвидация крестьянской общины — ответственность за выполнение податей возложили не на нее, а на отдельные семьи.

В XVIII в. новым шагом в развитии рыночных институтов стали мануфактуры. Идея их активного создания на государственных землях ВКЛ связана с именем гродненского старосты Антония Тизенгауза. Однако организованные им предприятия были вотчинного типа, не использовавшими наемного труда. Частные же мануфактуры, одна из которых, построенная Радзивиллами в Слуцке, к примеру, производила легендарные пояса, вообще не сбывали товар на рынок, а только поставляли его ко двору своего хозяина-магната.

Политически Речь Посполитая после смерти последнего Ягеллона (1572) представляла собой образец дворянской демократии — выборную монархию, в которой король подчинялся двухпалатному сейму, действовавшему на основе равновесия сил. Принципы функционирования данного органа государственной власти оформились в Польском королевстве задолго до Люблинской унии и были распространены на единое государство в готовом виде. Среди политических институтов рыночного типа важную роль играло и местное самоуправление: городское в виде магистратов и шляхетское в виде сеймиков.

Политические особенности определили и социокультурную сферу ВКЛ. Шла активная экспансия католицизма, более склонного к принципу субсидиарности, нежели отличающееся цезаропапизмом православие. Получили распространение неизвестные в ВКЛ до унии идеи примата свободы, понимаемой, впрочем, как предоставление исключительных прав только шляхте.

Таким образом, после объединения с Польшей институты рыночного типа в институциональной матрице ВКЛ усилились. Однако взаимодействия были нестабильны, отсутствовали надежные и эффективные механизмы их функционирования. В частности, в Великом княжестве Литовском до 1569 г. право наследования осуществлялось по обычаям, зародившимся еще в Киевской Руси. Имущество, включая землю, делилось между всеми наследниками. После Люблинской унии в ВКЛ по образцу западных стран появился майорат: недвижимое имущество стало переходить к одному человеку — старшему сыну — и не могло быть поделено. Так сформировались огромные латифундии-ординации, которые были подобны отдельным государствам со своим налаженным хозяйством, административным аппаратом и даже войском. На территории современной Беларуси располагались наиболее крупные из них, включавшие по несколько тысяч деревень и несколько десятков городов. Их хозяева не подчинялись центральной власти, препятствовали осуществлению Магдебургского права в своих городах (Радзивиллы, к примеру, назначали глав магистратов, в то время как по закону те должны были избираться), использовали демократические институты Речи Посполитой в своих интересах путем подкупа шляхетских депутатов сейма, каждый из которых имел право *liberum veto*, позволяющее сорвать принятие любого решения, просто не согласившись с ним.

Таким образом, в ВКЛ наблюдалась *трансплантационная дисфункция*, приведшая в конце концов к кризису Речи Посполитую, институциональная неопределенность и подвижность базовых институтов которой обусловила нежизнеспособность государства. Имплантация экономических институтов рыночного типа (ликвидация крестьянской общины) совмещались с архаизацией общественных отношений («вторым изданием крепостничества»), демократизация политической сферы (предоставление исключительных по тем временам полномочий парламенту) распространялась только на одно сословие — шляхту, в то время как права всех остальных беспощадно ущемлялись. Подобные противоречия требовали неотложного разрешения.

Были возможны несколько путей выхода из кризиса: укрепление институтов рыночного типа (Речь Посполитая могла распространить шляхетские привилегии на другие сословия, отменить крепостное право и превратиться в республику наподобие голландской Республики Соединенных провинций); подавление рыночных институтов, чтобы доминирующими во всех сферах стали институты редиистрибуции (Речь Посполитая могла урезать шляхетские привилегии, укрепить королевскую власть, запустить процесс централизации государства, что

предлагал Четырехлетний сейм 1788–1792 гг.); распад институциональной матрицы сопровождающийся социальным коллапсом. Раскол политических элит, обусловленный наличием неуправляемой прослойки магнатов, и дисфункциональность политической системы предопределили резкое нарастание нестабильности институциональной матрицы, при котором повысилась роль экзофакторов. В качестве таковых для Речи Посполитой выступил союз сильных противников: Австрии, Пруссии и России, принявших решение о ее разделе.

Трансформация базовых институтов земель ВКЛ в составе Российской империи

58

После включения земель ВКЛ в состав Российской империи наблюдается процесс их вхождения в институциональную «матрицу Московии с характерными для нее централизмом, условностью права собственности, особенным правовым регулированием и принудительной мобилизацией» [17, с. 179–188]. Процесс этот растянулся более чем на столетие, в нем выделяют несколько этапов.

Первый этап (1772–1796) — встраивание новых земель в административно-территориальную структуру Российской империи, руководствуясь *принципом унификации*. К новоприобретенным землям был тот же подход, что и к российским; на их дворянство распространялись те же привилегии, изложенные в «Жалованной грамоте дворянству 1785 г.» при единственном условии, состоявшем в присяге императрице. В ходе губернской реформы 1775 г. новые административные единицы образовывались без учета их исторического прошлого — главным критерием было приблизительно равная численность населения¹. Во главе губернии стоял губернатор, назначаемый и при необходимости смещаемый лишь по распоряжению государя. Отметим, что в Речи Посполитой воеводы, возглавлявшие административные единицы (воеводства), назначались королем *пожизненно*; отстранены же от должности они могли быть только по решению сейма при наличии серьезных юридических оснований, например, доказанных злоупотреблений.

Избираемым чиновником в новой системе был только земский исправник, за кандидатуру которого голосовало уездное дворянство и который руководил уездной полицией. После 1862 г. эта должность тоже стала назначаемой.

Таким образом, в государственном управлении земель бывшего ВКЛ усилились институты дистрибутивного типа.

В этот же период был осуществлен ряд других мероприятий, направленных на укрепление дистрибутивных институтов. В «губерниях, от Польши возвращенных» Магдебургское право заменено на Жалованную грамоту городам 1785 г. Последняя предусматривала городское самоуправление, однако избираемые должности подлежали утверждению центральной властью.

¹ Губернская реформа 1775 года. URL: <https://www.prlib.ru/history/619731> (дата обращения: 21.09.2020).

В 1791 г. Екатериной II введена черта постоянной еврейской оседлости. Евреи утратили свободу выбора места жительства, им было запрещено (с некоторыми исключениями, например, при наличии высшего образования, что было и среди нееврейского населения чрезвычайной редкостью) селиться за пределами территорий бывшей Речи Посполитой и в сельской местности, так как их влияние считалось губительным для крестьянства, рассматриваемого как опора самодержавия². Институционализированный антисемитизм сохранялся в Российской империи вплоть до революции 1917 г. и являлся значимым отступлением от традиций толерантности ВКЛ и Речи Посполитой.

Рекрутский набор, существенно укрепляющий регулярную армию, вводился в Речи Посполитой решением Четырехлетнего сейма 1788—1792 гг., однако окончательно закреплен был уже российской властью. Продолжительность службы в 1793—1834 гг. составляла двадцать пять лет.

Примечательно, что экономическая сфера новоприобретенных территорий не реформировалась. Были сохранены фольварки и ординации, которые не существовали в России, так как Екатерина II не решилась трогать экономические институты. Наоборот, фольварки стали появляться и в тех регионах, где они не наблюдались до разделов Речи Посполитой. В частности, генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев обустроил фольварочное хозяйство в полученном от императрицы Гомеле. Это свидетельствует о возможности перенесения некоторых институтов распавшейся социальной системы на социум-реципиент.

Второй этап (1796—1830) — борьба с основами «шляхетской демократии», вылившаяся в перестройку социальной стратификации на новых землях и подавление противников интегрирования земель ВКЛ в Российскую империю.

Был реализован ряд мер по приведению сословного деления на присоединенных территориях в соответствие с таковым в России, что преследовало двоякую цель: во-первых, обеспечить в последующем единое правоприменение; во-вторых, предотвратить возможность протестных выступлений наподобие восстания Тадеуша Костюшко 1794—1795 гг.

Среди этих мер центральное положение занимал *разбор* шляхты. В результате раздела Речи Посполитой возникла проблема: на новых землях шляхетское сословие составляло ~12 % всего населения и обладало значительно большими в сравнении с российским дворянством привилегиями.

В 1808 г. были изданы два указа, предписавшие шляхте предоставить доказательства своего происхождения, оформленные по правилам Российской империи. Дважды (в 1811 и 1816 гг.) проводилась ревизия имевших шляхетство. Не подтвердивших свое происхождение записывали вольными хлеборобами, государственными крестьянами, мещанами.

² *Черта* оседлости. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/14679/> (дата обращения: 19.10.2020).

Желая подчеркнуть, что времена «золотой вольности» канули в лету, в 1797 г. российские власти совершают символический акт: дворец великих князей литовских в Вильно приказано снести до основания.

В 1823 г. происходит самый крупный судебный процесс над студентами в Европе: разгромлены тайные патриотические общества филоматов и филаретов, членом одного из которых, к примеру, был Адам Мицкевич.

Данные меры в значительной степени послужили причиной Ноябрьского восстания 1830 г.

Третий этап (1831 – 1863) – административная и правовая унификация западных губерний. Восстание 1830 г. ускорило процессы вхождения присоединенных территорий в правовое поле Российской империи. Для их координации в 1831 г. был создан Комитет западных губерний [18].

Демонтаж политических институтов ВКЛ достиг пиковой активности. В начале 1831 г. в Могилевской и Витебской губерниях, а в 1840 г. во всех западных губерниях было отменено действие Третьего Статута ВКЛ 1588 г.

Униатская церковь была ограничена в правах еще Екатериной II, однако только в данный период вопрос был решен окончательно. Полоцкий собор 1839 г. передал униатские приходы западных губерний Русской православной церкви. Отныне церковь на территории бывшего ВКЛ стала управляться Синодом, возглавляемым светским обер-прокурором.

Изменения коснулись и системы образования. На смену иезуитским коллегиям и униатским школам базилиан пришла система православных церковно-приходских школ. В 1832 г. как рассадник антиросийских настроений закрыт Виленский университет.

Одновременно по указу 19 октября 1831 г. осуществлялся крупнейший разбор шляхты, в соответствии с которым в сословие однодворцев и граждан было переведено около 200 тыс. проживавших в городах, а «нижние» слои шляхетского населения были записаны крестьянами. Ревизии списков бывших шляхтичей проводились в 1842 и 1847 гг.

С целью укрепления своей социальной опоры на присоединенной территории царское правительство начало активно раздавать здесь земли с крестьянами русским помещикам, крупным военачальникам, государственным чиновникам. Развитие сельского хозяйства имело приоритетное значение, вследствие чего на территории Беларуси был открыт Горы-Горецкий земледельческий институт.

В то же время западные губернии стали своеобразным «полигоном», где обкатывался вариант необходимой России аграрной реформы. В 1839 г. Николай I подписал «Положение о люстрации государственных имуществ в западных губерниях и Белостокской области». Реформа предусматривала следующие мероприятия: «описание всех государственных имуществ и точное определение повинностей государственных крестьян в зависимости от их хозяйственного положения; перевод малоземельных и безземельных крестьян в разряд тяглых или полутяглых путем передачи в их собственность полевых наделов, сено-

косов, рабочего скота, необходимого инвентаря; прекращение сдачи государственных поместий в аренду и постепенный перевод государственных крестьян с барщины на оброк»³. Замена барщины на оброк, признание за крестьянами гражданской свободы, права на получение наследства и собственности, занятие торговлей и промыслами — главные итоги реформы.

В 1844 г. начались работы по реформированию системы взаимоотношений помещиков и крестьян. В результате к 1852 г. были введены *инвентарные* правила, предусматривавшие сохранение за крестьянами земли, находившейся в их пользовании. Однако сопротивление помещиков мешало практическому применению этих правил. Помещичья собственность осталась нетронутой.

Девятнадцатого февраля 1861 г. был подписан Манифест и «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»⁴. Примечательно, что в Беларуси были использованы два варианта «Положения»: одно — для Витебской и Могилевской, другое — для Виленской, Гродненской и Минской губерний. Это закрепило *цивилизационный разлом* между восточной и западной частью Беларуси.

Четвертый этап (1863–1917) — углубленная интеграция западных губерний в состав Российской империи. Александром II 20 сентября 1862 г. был создан *Западный Комитет*. Его целью стала разработка стратегии, которая предотвратила бы дальнейшие попытки сепаратизма на этих землях.

Одним из авторов и вдохновителей стратегии явился министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, считавший Северо-Западный край «окончательно русским, составляющим древнее достояние России»⁵. В качестве опоры для ее реализации М. Н. Муравьев рассматривал Русскую православную церковь, которой предлагалась государственная поддержка: улучшение материального положения духовного сословия, наделение его достаточным количеством земли, реализация обширной программы ремонта и строительства православных храмов. Кроме этого, предусматривалось развить систему народного образования «в духе православия и русской народности»⁶.

В 1868 г. сословия однодворцев и граждан, специально использовавшиеся для описания правового статуса бывших шляхтичей в западных губерниях, ликвидировались. Отныне сословная структура присоединенных земель окончательно приводилась в соответствии с таковой в остальной империи.

³ *Высочайше* утвержденное положение о люстрации государственных имуществ Западных губерний и Белостокской области. URL: https://runivers.ru/lib/anons.php?ID=63702&IBLOCK_ID=36 (дата обращения: 17.09.2020).

⁴ *Обозрение* высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. URL: <https://www.prlib.ru/item/433432> (дата обращения: 15.09.2020).

⁵ *Докладные записки* министра государственных имуществ Муравьева М. Н. Александру II по вопросам устройства северо-западного края и ведомости о числе учащихся в Виленском учебном округе. URL: <https://www.prlib.ru/item/466041> (дата обращения: 08.09.2020).

⁶ Там же.

Вместе с этим был принят ряд законов, направленных против католиков и евреев. Так, например, им было запрещено покупать казенные и частные земельные владения. Помещики польского происхождения облагались контрибуцией (от 10 % и выше своих доходов они были вынуждены выплачивать государству). В мае 1882 г. правительство запретило евреям в пределах черты оседлости проживать вне городов и местечек. Кроме того, для католиков вводились ограничения набора в высшие учебные заведения. Католики и евреи не могли приниматься на государственную службу.

Предпринят ряд мер по сдерживанию уровня образования населения. В 1864 г. закрыто единственное на белорусских землях высшее учебное заведение — Горы-Горетский земледельческий институт. Уменьшилось число учреждений среднего образования при одновременном значительном увеличении количества начальных школ, был открыт ряд учительских семинарий.

С целью увеличения численности православного населения в белорусских губерниях, согласно закону от 13 июля 1889 г., введено ограничение на переселение крестьян на свободные земли, практиковавшееся в Центральной России.

Отмена крепостного права обусловила необходимость проведения ряда реформ: земской, судебной, городского самоуправления, военной. Однако в западных губерниях они были проведены позже и со значительными изменениями в сравнении с общероссийскими нормами, что обусловлено, в первую очередь, борьбой с восстанием 1863 г. и его последствиями. Так, например, *земская* реформа 1864 г. распространена на территорию Беларуси только в 1911 г. и коснулась лишь Витебской, Минской и Могилевской губерний. В Виленской и Гродненской губерниях, где значительным было число католиков, земства, даже невыборные, отсутствовали. Это определило особенности реализации *судебной* реформы: судьи здесь не избирались, а назначались министром юстиции из числа лояльных правительству помещиков.

Реформа *городского самоуправления* на территории Беларуси была проведена 1875 г. Однако в 1892 г. утверждено положение, предусматривавшее усиление государственного контроля за деятельностью городских органов управления. От выборов устранялись евреи, составлявшие в Беларуси большую часть городского населения вследствие черты оседлости.

В целом, к началу XX в. Северо-Западный край (бывшее ВКЛ) был окончательно интегрирован в институциональную матрицу Российской империи, следствием чего явилась кардинальная институциональная перестройка всех сфер (экономической, политической, социокультурной) и трансформация «колеи» развития Беларуси.

Заключение

Таким образом, как показывает исторический опыт ВКЛ, причиной кризиса общественной системы зачастую является нарушение баланса институциональной матрицы, вызванного имплантацией институтов

из альтернативных институциональных матриц без создания механизмов, препятствующих их отторжению и нежелательной мутации. Однако лишь в условиях дисфункциональности политической системы и раскола политических элит этот кризис может привести к социальному коллапсу, который при наличии заинтересованных «полюсов силы» завершается распадом социума.

Процесс встраивания его осколков в социальные системы стран-реципиентов весьма продолжителен и, как правило, включает следующие этапы: встраивание новых земель в административно-территориальную структуру принимающего государства, перестройка социальной стратификации на новых землях, их административная и правовая унификация и, наконец, углубленная интеграция.

Однако, несмотря на решительные действия Российской империи в отношении присоединенных территорий, некоторые институты не были ликвидированы (в частности, фольварочно-барщинная система хозяйствования, распространенная в западной части белорусских земель, и католицизм). Это свидетельствует о сохранении отдельных элементов институциональной матрицы социума и при прохождении точки бифуркации.

Список литературы

1. Дюргейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
2. Курдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб., 2014.
3. Polanyi K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N. Y., 1977.
4. Бессонова О. Э. Контрактный раздаток и солидаризм — новая веха российской матрицы // Мир России. 2019. №1. С. 7–31.
5. Бархвостов П. А. Особенности цивилизационного пограничья: интегрально-институциональный анализ // Вестник Гродненского университета. Сер. 1. 2020. Т. 12, №1. С. 119–126.
6. Заславская Т. И. Человеческий фактор в трансформации российского общества (публичная лекция) // Полит.Ру. 2005. URL: <http://polit.ru/article/2005/10/13/zaslavskaya/> (дата обращения: 21.09.2020).
7. Чернецова Н. С., Теплов Г. В. Структура современной институциональной матрицы // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. №4. С. 117–125.
8. Борщ Л. М. Концепция институциональной организации общественных отношений редистрибутивной и рыночной экономик // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №8–1. С. 144–151.
9. Матвеев А. А. Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России // Управленческое консультирование. 2019. №4. С. 107–113.
10. Елисеев С. М. Модернизация российского общества в контексте теории институциональных матриц // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, №3. С. 38–49.
11. Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации // Век глобализации. 2016. №4. С. 100–114.
12. Булетова Н. Е., Кузибецкая Г. В., Лебедева Е. В. Институциональные основы развития российских регионов: интерпретация XXI века // European Social Science Journal. 2015. №5. С. 20–28.

13. Лубский А. В. Институциональная матрица естественного государства и социальный порядок в России // Политическая концептология. 2016. №4. С. 114–123.

14. Ксензова В. Э., Ксензов С. В. Особенности эволюции и современного состояния институциональной среды экономики Беларуси в контексте концепции X-матрицы // Journal of Institutional Studies. 2013. Т. 5, №1. С. 145–156.

15. Лученок А. И. Совершенствование институциональной матрицы белорусской экономической модели // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / под ред. С. Ю. Солодовникова. Минск, 2016. Вып. 4. С. 102–112.

16. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. №3. С. 24–50.

17. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М., 2015.

18. Лепеш О. В. Комитет Западных губерний (1831–1848 гг.): обстоятельства создания и механизм действия // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 2 / пад рэд. У. К. Коршук. Мінск, 2007. С. 139–142.

Об авторе

Павел Александрович Баракхвостов — канд. полит. наук, доц., Белорусский государственный экономический университет, Беларусь.

E-mail: barakhvostov@yandex.by

The author

Dr Pavel A. Barakhvostov, Associate Professor, Belarusian State Economic University, Belarus.

E-mail: barakhvostov@yandex.by